

Евгения А. Гончарова (Санкт-Петербург)

Медиаальный аспект модуса формулирования текста как проблема стилистики

✦ Ключне речи:

Медиаальный аспект текста, устный – письменный текст, модус формулирования, речева стратегия.

У раду се истражује писана и усмена (медиаална) форма текста као важна компонента формулацијског модуса, односно стилистичких текстуалних информација. Доказује се да се, с једне стране, медиаални аспект текста различито испољава у разним сферама људске когнитивно-комуникативне делатности, реагујући на типичне за њих комуникативне ситуације, док, с друге стране, он ствара неједнаке услове за актуализацију субјективно-интенционалне оријентације аутора текста и његовог реципијента.

Во все времена развития как общей лингвистики, так и ее частных областей, в первую очередь функциональной лингвистики, прагмалингвистики, лингвистики текста и стилистики, постоянным оставался и остается до сих пор интерес ученых к лингвостилистическим особенностям формулирования текстов, с одной стороны, в *письменной* и, с другой, в *устной* коммуникации, иными словами, интерес к специфике процессов речевого формулирования в зависимости от *медиа-*

альной (устной или письменной) формы речевого высказывания.

Письменные и устные формы речевого общения присутствуют, как известно, в большинстве областей речевой деятельности человека, и тексты, возникающие при этом, зависят, во-первых, от «дискурсивных» норм этой деятельностно-коммуникативной сферы (например, институционально-деловой, научной, журналистской, обиходной, религиозной и др.) и, во-вторых, от письменной

Стил 2008

или устной формы реализации соответствующего содержания. При этом следует отметить, что некоторые типы текста существуют либо исключительно в письменной (письмо, телеграмма, научная статья, доверенность, закон и др.), либо в устной форме (телефонат, речь защитника/прокурора в суде, ток-шоу и др.). В подобных текстах уже в обозначении текстового прототипа имплицитно присутствует указание на письменный или устный способ речевого формулирования, который может быть учтен при соответствующей классификации текстов. Одновременно с этим существуют такие типы текста, которые принадлежат и устной, и письменной коммуникации: некролог, репортаж, поздравление, договор и др. Их лингвостилистическая форма – письменно, либо устно обусловленная – реализуется в рамках общего коммуникативно-деятельностного целеполагания, присущего этому типу текста, и индивидуальных интенций автора текста. Такой же тип текста как интервью протекает изначально в устной диалогической и, на первый взгляд, спонтанной форме, но планируется журналистом в своих основных частях заранее и может затем появиться в графической реализации, точно так же как любому научному тексту, представляемому в устной форме, будь то научный доклад, монологическое выступление в дискуссии и т. д., как правило, предшествует некая письменная фиксация.

Появление в последние десятилетия все новых классификаций текстов, в которых учитывается письменная и/или устная форма текста, потребовало уточнения концептуального аппарата и основополагающих терминологических понятий по отношению к письменной и устной формам речевого общения, а так-

же, шире, к двум *медиально* зависимым системам ментально-речевой деятельности человека, реализуемым в разных типах текстов. В процессе рассмотрения указанных проблем лингвисты традиционно действовали и действуют в логике научного описания письменной и устной речи по принципу (1) либо их взаимозависимого развития, (2) либо относительной автономии. Сторонники первого направления, у истоков которого стоит Фердинанд де Соссюр, считают устный язык центральным объектом научного изучения в лингвистике, а письмо – «производной», вторичной знаковой системой. Представители второго рассматривают письменную и устную речь как две самостоятельные формы реализации языка (Dürscheid 2006).

Характерно при этом, что понятие «устная речь», как правило, связывается с понятием «разговорной речи» – как самого «естественного» проявления языка, его «самой всеобщей формы» (Девкин 1979: 14; также Schwitalla 1997), при этом в последнее время все больше говорится о продуктивности для общих процессов развития языка именно «живых», разговорных форм существования языка. Авторы книги *Kleine Enzyklopädie. Deutsche Sprache* (2001), например, подчеркивают, что речевая культура общества должна ориентироваться не только на «стандартный язык», но и на региональные обиходно-разговорные формы и диалекты, а также социолекты. Мы читаем у этих авторов: «Es vollzieht sich in unserer Zeit der objektiv wirksame Prozess, dass die Standardsprache ihren Geltungsbereich erweitert, da immer mehr Menschen produktiv und rezeptiv an der gesprochenen und geschriebenen Standardsprache teilhaben, damit an den sprachlich repräsentierten Kulturleistungen. Presse, Rundfunk und Fernseh-

hen haben einen beachtlichen Anteil daran. Zugleich erweitern aber auch die regionalen Varietäten der Umgangssprachen und die Dialekte ihren Geltungsbereich, indem sie zunehmend ihre sozial distinktive Rolle verlieren und immer stärker zu *funktional und situativ differenzierenden Mitteln bewusster stilistischer Variation* werden» (Fleischer/Helbig/Lerchner 2001: 736).

В настоящей статье понятия «письменный» – «устный» рассматриваются по отношению к *формулированию* как «языковой объективации производства текста и языковой репрезентации текста при его восприятии»: *Formulierung als sprachliche Objektivation der Texterzeugung und als sprachliche Vorgabe der Textaufnahme* (Fleischer/Michel/Starke 1993: 15) в его проекции на понятия «стиль» и «стилистика информация» (текста). При подобном подходе на первый план научных наблюдений выдвигается уровень «многомерного»¹ языкового образования – *текста*, что требует, во-первых, включения в рассматриваемую проблему определенных феноменов этого уровня «выражения словами ментальных процессов» (*des In-Worte-Fassens von Bewusstseinsprozessen* – nach Fleischer/Michel/Starke, ebenda). Во-вторых, при подобном рассмотрении интересующей нас оппозиции существенное значение приобретает аспект функционального отношения к двум способам языкового формулирования текстов языковой личности, выступающей в процессе речевой коммуникации в двух функциях: как (1) производитель текста и как (2) потребитель текста. И, наконец, в-третьих, учет двух названных функциональных проявлений антропоцентра текста – носителя языка

требует дифференцированного рассмотрения ментальных, психолингвистических и коммуникативно-прагматических параметров коммуникативной ситуации производства и восприятия письменных и устных текстов.

Говоря о специфике устного или письменного аспекта текста как одной из особенностей его формулирования, входящей в качестве существенной части в его общую лингвостилистическую характеристику, необходимо, на наш взгляд, уточнить, далее, понятие *формулирование* через понятие *модус*, т.е. преходящее/-ие свойство/-а, которое/-ые присуще/-и некому предмету (в нашем случае тексту) лишь в некоторых его состояниях, в отличие от постоянного/-ых признака/-ов. *Модус формулирования текста* возникает, таким образом, на основе тех свойств текста, которые он получает в дополнение к обязательным текстообразующим характеристикам (когезии, когерентности, информативности, интенциональности, адресованности, интертекстуальности и т.д.) – в зависимости от смены (1) способа представления предмета/темы общения и (2) речевого субъекта².

Модус формулирования текста, как и сам формулируемый текст, имеет *результативный* и *процессуальный* аспекты. Каждый конкретный текст в силу его речевой актуализации (в устной или письменной форме) воспринимается адресатом как *результат*, или сформулированный с помощью языковых средств *продукт* ментальный и речевой деятельности адресанта. *Процессуальность* присутствует в нем как имманентный – хотя и неотъемлемый – признак, детерминирующий системность текста, то есть более

1) См. о «многомерности» текста подробнее в книге: Щирова/Гончарова 2008.

2) См. также Гончарова 1999: 146–161.

необходимую и устойчивую внутреннюю связь принадлежащих ему элементов, чем связь этих элементов с элементами других систем. Это означает, что, становясь структурными элементами текста как конечного результата процесса формулирования, единицы языка вступают между собой и в свойственные им традиционные отношения, идущие от языковой системы, к которой они изначально принадлежат, и в новые связи (порождающие новые свойства), обусловленные их функциональной принадлежностью процессу формулирования. Подобное толкование текста в принципе исключает семантическую статичность и текста, и его отдельных структурных компонент, выдвигая на передний план динамический характер как цельных текстовых структур, так и составляющих их архитектурных элементов.

Процессуальный аспект модуса формулирования текста может быть уточнен далее с помощью понятия *modus procedendi*, то есть способа действий, предпринимаемых речевым субъектом для достижения стоящих перед ним когнитивно-коммуникативных целей средствами языка. В подобном толковании модус формулирования текста наиболее тесно «смыкается» в терминологическом отношении, во-первых, с понятием «стиля», если понимать под последним «принцип отбора и комбинации наличных языковых средств, их трансформаций» (Степанов 1990: 494), а во-вторых, с устной и письменной формой текстового высказывания, так как специфика последних определяется не только целями, которые хочет достигнуть говорящий, действуя по «правилам» определенного модуса формулирования текста и создавая его в рамках неких целевых установок, но и определенными

принципами отбора и комбинации наличных языковых средств и их трансформаций. Стиль и медиальная (устная, либо письменная) характеристика текста тем самым связаны между собой логическим отношением конъюнкции, поскольку стилистическая специфика текстового высказывания всегда вытекает в том числе из устного, либо письменного способа формулирования.

Как и за другими параметрами стиля, за устным, либо письменным модусом формулирования текста всегда стоит – в качестве важнейшей детерминанты процесса формулирования текстов – коммуникативная ситуация, определяющая особенности процесса производства и восприятия текста. Именно от коммуникативной ситуации, т.е. от характера социальной (учебной, научной, производственной, социально-политической и др.) и познавательной деятельности речевых субъектов («чисто» познавательной, познавательно-коммуникативной, познавательно-полемической и др.), вида отношений между ними (дистанцированных, непринужденно-близких, фамильярно-близких и др.), распределения социально-коммуникативных ролей (начальник – подчиненный, учитель – ученик, равноправные участники дискуссии и др.) не в последнюю очередь зависят две противоположные «иллокутивные энергии» коммуникантов, определяющие модус речевого формулирования, иными словами, стиль текста, в который, как уже отмечалось, входит и предпочтительное устное, либо письменное способ представления текста.

Первая из этих «энергий», или *речевых стратегий*, обозначаемая по-английски *opting in*, а по-немецки – *Sich-Einfügen*, заключается в достаточно строгом следовании автором в процессе формулиро-

вания текста исторически сложившимся социокультурным и функционально-коммуникативным стандартам/нормам речевого поведения в наиболее типичных коммуникативных ситуациях, активизирующих потребность носителя языка в оперативной и максимально доступной передаче другим какой-то оптимально понятной информации, необходимой для решения его собственных прагматических задач.

Вторая речевая стратегия (англ. *opting out*, нем. *Sich-Ausfügen*) отражает стремление речевого субъекта заявить о себе как об уникальной языковой личности и выделиться из некой исторической, культурной, социальной, групповой общности, действуя в процессе формулирования текста по принципу «обманутого ожидания», то есть в значительной степени меняя, либо модифицируя узуальные языковые единицы и явления (Ср. Gauger 1995: 7–26). Первая позиция стиля может быть обозначена с помощью достаточно распространенных определений «стандартный стиль», «речевой стандарт», или «типовое речевое поведение», в то время как вторая в традиционной терминологии называется «индивидуальным стилем», а в последнее время все чаще – «креативным» стилем. В *модусных (лингвостилистических)* характеристиках текста – исходя из этих двух антропоцентрически обусловленных стилистических позиций – могут преобладать либо (1) *коммуникативно-конвенциональные*, либо (2) *субъективно-интенциональные* тенденции формулирования текстовых высказываний.

При выборе письменного, или устного способа формулирования текста языковая личность – автор текста в первую очередь опирается на «коммуникативно-конвенциональные» модусные харак-

теристики текста, так как предпочтение одного из этих способов языкового оформления какого-то содержания вытекает из характера коммуникативной ситуации, стоящей за текстом, которая в свою очередь, как уже отмечалось выше, прототипически связана с общей интенциональностью текстового высказывания. Письменная и устная речь имеют статус коммуникативно-конвенциональных модусных характеристик текста еще и потому, что в основе каждого из этих видов речи лежат определенные дифференциальные параметры психолингвистического и коммуникативно-прагматического содержания.

Ментально-речевую основу коммуникативно-конвенциональных характеристик стилистического модуса устно и письменно формулируемых текстов составляет оппозиция «несpontанное формулирование, включающее элементы про- и ретроспективно направленного анализа и размышления (письменная речь), – спонтанное, «свободно» развивающееся формулирование (устная речь)» (Ср. Antos 1982: 183; Schwitalla 1997: 194 ff; Dürscheid 2006: 26–27 ff). Основное психолингвистическое различие в этих двух способах формулирования заключается в том, что в первом случае процесс и результат формулирования для автора разделены между собой во времени, в то время как во втором они практически совпадают друг с другом. Временной фактор обуславливает и различия в способе восприятия письменного и устного текста и реакции на него со стороны второго участника коммуникации, иными словами, разный характер *интеракционного взаимодействия коммуникантов*. В случае письменной коммуникации распределение коммуникативных ролей осуществляется *последовательно*,

дистантно и асимметрично: ее начало определяет не ограниченный во времени своего речевого действия автор, и лишь через какой-то интервал времени (иногда весьма значительный) коммуникацию (условно) завершает читатель. Устная же коммуникация по своим коммуникативно-прагматическим характеристикам *параллельна, симметрична и контактна*, так как она невозможна без зрительного или слухового контакта между ее участниками, временной разрыв между репликами коммуникантов здесь минимален, и участники речевого общения тем самым равноправны в своей роли по его продвижению и завершению. По этой же причине модус формулирования письменных текстов, как правило, создается одним автором, и в нем присутствуют элементы «потенциального диалога» с читателем (по Бахтину, 1979), в то время как устные тексты осуществляются преимущественно в форме «реального» диалога или полилога.

Имея в письменном тексте опору в виде линейной последовательности графических знаков, реципиент может неоднократно возвращаться к нужным ему местам текста, не спешить в поиске прагматических фокусов текста, будучи, однако, лишенным возможности сразу реагировать на них. В случае же восприятия устного текста реципиент скован, во-первых, особенностями кратковременной памяти, дающей ему возможность в сжатый условиями устного диалога срок воспринять не более пяти-семи полных лексических единиц, он может, однако, вернуться к важным или непонятным местам высказывания собеседника с помощью переспроса, развить их в своей речи и др. В связи с этим можно сказать, что стилистический модус формулирования

письменного текста тяготеет к *экстенсивным* (более протяженным в пространстве и времени) формам информационно-тематического развертывания текста, при которых в текстовой структуре должны быть максимально эксплицитно выражены все синтаксические члены предложения, а также средства композиционно-смыслового членения и тематического единства, так как автор не видит реакции на свои высказывания читателя, а может лишь предполагать их. В стилистическом же модусе формулирования устных текстов преобладают *интенсивные* способы тематического развертывания, поскольку здесь информационно-тематическая динамика коммуникации обеспечивается постоянной сменой функциональных ролей коммуникантов (продуцент – реципиент), а, кроме того, собеседники могут «разгружать» лексико-семантический объем высказывания, опираясь на паралингвистические условия общения (соматический и кинематический компоненты, паузы, многозначительное молчание и др.).

Устанавливая общие особенности лингвистического формулирования письменных и устных текстов, которые в свою очередь обусловлены ментально-речевыми и психолингвистическими принципами, заложенными в этих двух медиальных способах осуществления познавательной и коммуникативной деятельности, необходимо далее отметить, что разные сферы деятельности человека создают при формулировании устных и письменных текстов неодинаковые условия для проявления индивидуального, креативного отношения человека к языку, с одной стороны, и его подчинения действующим социально-речевым стандартам, с другой.

Так, конвенционально устоявшиеся формы официально-институционального общения практически исключают «речевую свободу» и «речевую креативность» для авторов текстов доверенности, прошения, договора (о купле-продаже, найме на работу, о браке, о съеме жилья и др.), поскольку подобные тексты в большинстве случаев служат серьезным основанием, требующим социально закреплённой формы для выполнения определенных посткоммуникативных действий и для самого автора текста, и для его партнеров по коммуникации. В модус формулирования этих текстов поэтому входит и обязательность их письменной фиксации, которая обеспечивает их более длительное и многократное социальное и индивидуальное использование.

Сфера научного общения имеет в качестве универсальной коммуникативно-прагматической цели языковое оформление – с помощью интердискурсивно связанных между собой совокупностей текстов – коллегальных и бесконечных по своей сути процессов познания (Чернявская 2004: 22–27). Поэтому автор научного текста совмещает в себе характеристики активного, независимого когнитивного и речевого субъекта, достаточно свободно формулирующего собственные научные идеи, и объекта коммуникативно-прагматического интереса для последующих исследователей аналогичной научной проблематики. В связи с последним обстоятельством на «речевую креативность» автора научного текста в определенной мере накладываются ограничения со стороны уже имеющегося концептуального аппарата и общепринятой терминологии, необходимости опираться на существующие определения и классификации и т. д. Непрерывность

и поступательность процесса научного познания, обязательное присутствие интертекстуальных корреляций в определенной научно-предметной области объясняют и наличие в модусе формулирования научных текстов письменной формы изложения в качестве их базовой конвенционально-коммуникативной характеристики. Существующие устные тексты научной коммуникации (научный доклад, научная дискуссия, ответ на экзамене в академической сфере и др.) имеют, как правило, в качестве прецедентной основы некие письменные тексты – что уже отмечалось выше.

В сфере обиходного, неофициального общения человек не столь связан речевыми стандартами, модус формулирования его речевых высказываний определяется сиюминутными рефлексиями участников диалога, спонтанной реакцией на них партнеров по общению, а также зависит от внешних условий протекания коммуникации. Основной массив текстов в этой сфере коммуникации формулируется устным речевым способом и с опорой на диалог или полилог.

Наибольшие возможности для проявления креативного отношения к формулированию текстов предоставляет, несомненно, литературная коммуникация, поскольку в ее онтологии заложено образное освоение мира и своего «я» в (потенциально диалогических) отношениях с другими творческими личностями, стремящимися к оригинальности и неповторимости самовыражения средствами языка. В модусе формулирования художественного текста, всегда ориентированном на индивидуальное самовыражение автора, поэтому всегда присутствуют следы «преодоления» материала – языка с его одновременным «имманент-

ным усовершенствованием» (по Бахтину, 1986), свидетельствующие о творческом поиске со стороны автора необходимых ему средств изображения и выражения концептуально-языковой картины мира и, одновременно с этим, служащие читателю в качестве прагмастилистических фокусов в его интерпретации текстовых смыслов. Стилистическую специфику модуля формулирования каждого литературного текста поэтому следует искать не в «лингвистической определенности» составляющих его элементов, а в совокупности лингвопоэтических смыслов языковых единиц разных уровней, обеспечивающих формальную и смысловую цельность текста.

Нельзя не отметить далее и то, что в модуле формулирования литературного текста как его универсальной характеристике присутствует особый вид стилистического «напряжения», возникающего в «инструментальной» (языковой) оболочке текста при использовании в нем узуальных языковых единиц в качестве *структурных элементов* цельной художественно-речевой системы. Две формы существования языка – (1) его «естественная реальность» и (2) «поэтическое состояние» в литературном тексте – и создают в когнитивно-продуктивной деятельности автора текста и когнитивно-рецептивной деятельности его читателя прагматическое «напряжение», лежащее в основе происходящей между ними литературной коммуникации и определяющее статус текста как коммуникативного события, способного найти продолжение в интердискурсивном взаимодействии с иными текстами.

Подобное напряжение отсутствует в модальных характеристиках текстов из иных сфер коммуникации; оно возни-

кает не только и не столько за счет линейного соположения языковых элементов текста относительно друг друга (как в текстах естественной коммуникации), сколько в придании им смысла единичных художественных образов, которые по мере продвижения в тексте вступают в горизонтально-вертикальные связи между собой, постепенно «укрупняясь» и в разном семантическом объеме входя в общий текстовый смысл, представляющий собой «поэтическое явление». Нельзя не согласиться с Е. Фарино, который пишет об «удвоении» лингвистических уровней в литературном произведении: «в пределах текста как единицы речи они лингвистичны, в пределах того же текста как литературного произведения они уже нечто другое [...] и включаются в текст произведения не столько ради их естественной лингвистической функции, сколько ради другой, моделирующей» (Фарино 2004: 37). В связи с выше сказанным именно к модулю формулирования литературного текста в полной мере применимо ранее упоминавшееся уточнение *modus procedendi* и его толкование не только как «переходящего свойства» текста, но и как «способа действий (в нашем случае речевых), принимаемых для достижения цели». К важнейшим характеристикам этого модуля принадлежат, во-первых, его прагмастилистическая *двунаправленность*: релевантный для текста смысл языковых единиц рождается за счет их взаимодействия с предыдущими и последующими элементами текстовой структуры; во-вторых, *ступенчатость*: компоненты разных языковых и композиционно-речевых уровней подчинены друг другу и лишь в этой иерархической совокупности создают существенные текстовые

смыслы и качественные характеристики текстового целого; в-третьих, *синергизм*, так как совместное действие собственно языковых элементов текста с элементами иных уровней текстовой структуры превышает действие, оказываемое каждым элементом в отдельности. Именно за счет *синергии* семантико-функциональных потенциалов разных уровней текстовой организации возникают некая новая интенциональность, образно-эмоциональный и эпистемологический потенциал текста, развитие от уже существующего к возникающему, а также дискурсивная культурно-историческая значимость текста.

В орбиту специфического прагматистического напряжения модуса формулирования литературного текста вовлекается и его усложненная медиальная структура. «Авторская речь» в прозаическом нарративном тексте, а точнее, речь автора-повествователя, создается при условии синтетизма «книжного», т.е. в первую очередь письменного, и разговорного, т.е. в первую очередь устного, языка – с относительным равноправием в подавляющем большинстве литературных текстов книжной и разговорной речевых стихий, что создает так называемую «нейтральную повествовательную норму», имеющую свои, лишь ей присущие правила построения и свои композиционные функции, отличающие ее от обыденной (и письменной и устной) речи. Наличие разговорного элемента есть определенный структурный признак любого повествовательного дискурса (не говоря уже о лирическом и драматическом дискурсах), его включение в речевую структуру литературного текста не предполагает специальных мотивировок, так как ощущается в повествовательном монологе естествен-

ным, «нормальным». Не будучи стилистически нейтральной, устная разговорная компонента в повествовательно-речевой структуре литературного текста является в то же время элементом нейтральной повествовательно-речевой нормы, близкой (но не идентичной) речи письменной. Гетерогенная же система способов передачи речи персонажей ориентирована на стилистику устного или письменного высказывания – как вида речевой деятельности литературных фигур, подчиненного, однако, в первую очередь общей авторской художественной задаче, концептуально-тематическим установкам создаваемого писателем текста и его литературно-художественной культуре. Поэтому речь персонажей, как и ее (созданные творческой фантазией автора) носители, может рассматриваться при интерпретации художественного текста в ряду *объектов* индивидуального художественного познания творческого субъекта-автора текста, входящих в его «языковую картину мира». Она включает в свою структуру и семантику индивидуальное отношение писателя к реальной речевой действительности языка изображаемого им культурно-исторического пространства и времени. Иными словами, речь персонажей представляет собой в восприятии читателей *факт* речевой действительности, отраженный по «правилам» определенной словесно-речевой системы, и в то же время *артефакт*, предполагающий присутствие в содержании и форме индивидуализированной речи персонажей мыслей, чувств, языкового опыта и вкуса автора литературного произведения.

Итак, медиальный аспект текста принадлежит к его важнейшим коммуникативно-конвенциональным лингвостили-

стическим характеристикам и в этом качестве определяет модус формулирования текста. Являясь компонентой модуса формулирования текста, медиальность, с одной стороны, по-разному проявляется в разных сферах познавательно-коммуникативной деятельности человека,

реагируя на типичные для них коммуникативные ситуации, а, с другой, создает неодинаковые условия для актуализации субъективно-интенциональных установок автора текста, а также их понимания и интерпретации со стороны реципиента.

20

summary

Medial aspect of text formulation modus as a problem of stylistics

The article focuses on written and oral (medial) text forms as an important component of the formulation modus, or the stylistic information of the text. The article shows that the medial aspect of the text is revealed differently in various fields of human cognition and communicative activity, reacting to typical communicative situations. At the same time, the medial aspect of the text creates unequal conditions for the actualization of subjective intentions of the author and receiver of the text.

Литература

- Dürscheid 2006: **Dürscheid Chr.** Einführung in die Schriftlinguistik. – Göttingen.
 Девкин 1979: **Девкин В.** Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. – Москва.
 Schwitalla 1997: **Schwitalla J.** Gesprochenes Deutsch. Eine Einführung. – Berlin.
 Fleischer/Helbig/Lerchner 2001: **Fleischer W./Helbig G./Lerchner G.** (Hrsg.) Kleine Enzyklopädie. Deutsche Sprache. – Frankfurt am Main: Peter Lang.
 Fleischer/Michel/Starke 1993: **Fleischer W./Michel G./Starke G.** Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. – Frankfurt am Main: Peter Lang.
 Щирова/Гончарова 2008: **Щирова И./Гончарова Е.** Многомерность текста: понимание и интерпретация. – Санкт-Петербург.
 Гончарова 1999: **Гончарова Е.** Стиль как антропоцентрическая категория. In: Слово, предложение и текст как интерпретирующие системы. *Studia linguistica* 8. – Санкт-Петербург.
 Gauger 1995: **Gauger H.-M.** Über Sprache und Stil. – In: Stilfragen. – München: Fink.
 Antos 1982: **Antos G.** Grundlagen einer Theorie des Formulierens. Textherstellung in geschriebener und gesprochener Sprache. – Tübingen.
 Бахтин 1979: **Бахтин М.** Проблемы поэтики Достоевского. 4-е издание. – Москва.
 Чернявская 2004: **Чернявская В.** Интерпретация научного текста. – Санкт-Петербург.
 Бахтин 1986: **Бахтин М.** Эстетика словесного творчества. 2-е издание. – Москва.
 Фарина 2004: **Фарина Е.** Введение в литературоведение. – Санкт-Петербург.

